

- Ка-анечно, договорились: Алёшенька, ты такой милый, можно я тебя ещё поцелую? . .
Когда пришли домой, Ирку развезло окончательно. Она вошла к себе в комнату, упала на кровать и заснула. Я посмотрел на обрисовавшуюся картину и решил, что так не пойдёт. Я снял с пьяной девчонки пальто и ботики, посмотрел ещё, кое-как вытряхнул её из платья и стащил чулки, и, запихнув соседку под одеяло, пошёл к себе спать.

Всё-таки Ира проснулась раньше меня и приготовила нам лёгкий праздничный ужин, потом вошла в мою комнату и села на постель:

- Лёшенька, пора вставать.

Я уже не спал, но вставать не хотелось, и я притворился спящим.

- Лёша, уже вечер, вставай, мы и так весь день проспали. - Ира наклонилась и нежно поцеловала меня в щёку.

- Не могу.

- Почему?

- Тому есть две причины: во-первых, ты сидишь на постели, во-вторых, не могу же я при тебе одеваться. В общем, брысь отсюда, бесстыдница:

За ужином еще раз выпили за Новый год. В общем, усидели бутылку шампанского. Ира опять захмелела, и когда она предложила открыть ещё одну, я воспротивился:

- Хватит, хорошенького понемножку, лучше закусывай, а то опять отрубись, возись с тобой.

- Как это?

- А так, что когда мы домой пришли, ты как в комнату вошла, так и упала на кровать, в чем была, в пальто и ботах, я пытался тебя разбудить - бесполезно. Пришлось раздевать.

Ира покраснела, как рак.

- Значит, это ты с меня и платье и чулки снял?

- Пришлось. Платье, чтобы окончательно не измялось и чтобы не испачкала, если что: , ну а чулки до кучи. Да ладно, не переживай, ничего не произошло.

- Ну и кто после этого бесстыдник? Меня раздетую он видел, а одеться при мне стесняется?

Кстати, про наш уговор ты не забыл?

- Какой? Не помню.

- Ты обещал меня выпороть.

- Прости. Чего спьяну не скажешь.

- Ну уж нет, Лёшенька, обещал, так держи слово.

- Так я тебя обещал тебя после сессии высечь.

- Ага-а! А врал, что не помнишь!

- Я думал, что ты на трезвую голову не вспомнишь.

- А я помню. Так, что не такая уж я пьяная была. Ладно, действительно пора спать, завтра в институт. Лёша, можно я тебя ещё раз поцелую?

Мы обнялись и поцеловались. Потом убрали со стола, помыли посуду и, поцеловавшись ещё раз, разошлись по своим комнатам.

Три последующие недели прошли у Иры в усиленной зубрёжке по поводу сессии, у меня в обычных делах. Правда, теперь каждый наш с Ирой день начинался с поцелуя и им же заканчивался. Да и стесняться мы стали поменьше. Я мог выйти из своей комнаты в трусах,

мы перестали уходить из дома, когда другой принимал ванну, и Ирка не стеснялась пробежать мимо меня в туалет в одной ночнушке и даже выскочить из ванны лишь завернутой в полотенце, правда, при этом пискнув, мол, не смотри.

Наконец, сессия закончилась. Ира, радостная, прибежала ко мне в лабораторию, размахивая зачёткой.

- Лёша! Я всё сдала. Мне в деканате сказали, что меня переведут в студенты. Ура!

- Молодец! Вечером отпразднуем! Что на каникулах думаешь делать. Домой поедешь?

- Ага! Ладно, до вечера. Пойду билет покупать. Не задерживайся, пожалуйста!

Вечером, когда мы поужинали и распили в честь сданной сессии бутылочку шампанского.

Ира опять стала приставать ко мне с напоминанием об обещанной порке.

- Слушай, Иришка, прости, но я ведь не самоубийца. Представь, что будет, если Остап Пафнутьевич увидит на твоей попке следы. Я, думаю, что на этом твоя учёба, а моя жизнь и закончатся.

- Ты прав, и мне ещё полгода сидеть не на чем будет.

Десять дней, которые я провёл без соседки, позволили мне понять, что я, как минимум, привязался и привык к этой милой, пусть несколько взбалмошной девочке и что мне её очень-очень не хватает.

Когда на перроне я снял её с подножки вагона, и мы поцеловались, первыми её словами были:

- Лешенька, я так по тебе соскучилась, а ты как: ?

- И я скучал, - абсолютно честно ответил я, и как-то само собой у меня вырвалось, - Ты выйдешь за меня замуж?

- Конечно, милый, - сразу ответила Ира, - А когда мы поженимся?

Я подхватил её чемоданчик и мы пошли к троллейбусу.

- А вот сдашь летом сессию, мы распишемся и в тот же день уедем в свадебное путешествие, вначале заедем к моим в Москву, все вместе поедем к твоим, там отпразднуем, недельку погостим, а затем, вдвоём, недельки на две в Ленинград, а на обратном опять в Москву. Согласна?

- Согласна, конечно, как ты хорошо придумал, миленький. Моему папке это понравится.

Весь день прошёл у нас в разговорах, а вечером, на кухне, за ужином, Иришка опять завела разговор о порке.

- Лёшка, так всё-таки, ты думаешь держать слово. Ты теперь не просто мой учитель, а и жених.

- Ирка, доболтаешься, на самом деле выпорю.

- Когда?

- Да хоть сейчас. Но смотри, не пожалей, пороть буду как положено.

- Не пожалею, не надейся!

- Ладно, иди к себе в комнату, включи радио погромче и припасайся.

- А как? Совсем раздеваться? Догола?

- Как хочешь. Но попа чтобы голая была. Пороть непослушных и ленивых девочек полагается по голой попке.

Иришка вышла в свою комнату и через несколько минут выглянула оттуда уже раздетая, в коротенькой шёлковой маечке и в беленьких простых трусиках.

- Я готова.

Кровать в её комнате была расправлена. Я взял подушку и положил посередине.

- Непорядок, милая, я же сказал, что попа должна быть голая. Снимай трусы и ложись кверху попой.

Ира быстро спустила трусики, перешагнула через них и, не прикрывая заветный треугольничек, легла животом на подушку. Повертев попкой и устроившись поудобнее, она подняла подол майки до поясицы. Я, разумеется, не собирался пороть любимую своим солдатским ремнём, а просто снял с себя узкий брючный ремень и сложил его вдвое. Обхватив ладонями бока девушки, подтянул маечку ещё повыше, до лопаток, при этом коснувшись пальцами сосков. Потом не утерпел и погладил Иру по выставленной вверх попке.

- Лешка, не охальничай.

- Я не охальничаю, а люблюсь.

- Успеешь ещё и налюбоваться и налапаться. Давай пори поскорее.

- Тогда держись!

Я размахнулся и стегнул Иришку по её соблазнительным округлостям. Она тихонько пискнула. Я, не спеша, с расстановкой, отвесил моей любимой дюжину звонких шлепков, от которых её попа покраснела.

- Хватит. Вставай.

Иришка, не спеша, встала. Не стесняясь меня, она одернула майку, потом надела халатик.

- Сидеть сможешь?

Ира приподняла подол и потёрла ладошкой голую попу.

- Ерунда, папка больнее дерёт. Ничего, ещё научишься.

- А что, тебе этого раза не хватило?

Ира подошла ко мне обняла и крепко поцеловала.

- Так мне ещё четыре с половиной года учиться, и мало ли чем жена ещё провиниться может.

Потом мы долго сидели на диване обнявшись, моя рука уже прочно обосновалась на нежной округлости её груди под халатом. Грудка была небольшой, но тугой и приятной наощупь.

- Лёша, мне бабушка рассказывала, что раньше, на вечеринках парни вот так же запускали руки девушкам под кофточки:

Когда я лёг спать, Иришка тихо вошла в мою комнату и легла рядом. Мы обнялись. Под рубашкой у неё ничего не было. Я положил руку ей на бедро и повёл вверх под подол, погладил её попку и спинку, затем моя рука легла Ире на грудь, она подпернула рубашку спереди, и наши обнаженные тела соприкоснулись:

Если читатели ожидают рассказ о бурной ночи любви, то, простите, вынужден их разочаровать. Хотя для нас с Ирой стали обычными такие вечера, и наши тела стали полностью и навсегда доступны для взоров и ласк друг друга, я сдержал слово, данное Ириному отцу. Ира стала женщиной только летом, после свадьбы, да и то не сразу. Так уж получилось. Но ни я, ни жена никогда за все сорок лет нашей счастливой совместной жизни об этом не пожалели. На всю жизнь мы с ней сохранили друг к другу то чувство любви и доверия, что завязалось между нами в эту ночь: